
РОССИЯ И ЕЕ РЕГИОНЫ НА БАЛТИКЕ

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ СТРАН БАЛТИИ С РОССИЕЙ

В. Г. Варнавский

Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 65

Поступила в редакцию 23.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1
© Варнавский В. Г., 2022

Россию со странами Балтии связывают давние, заложенные еще во времена Советского Союза отношения производственной специализации, кооперации, разделения труда, товарного обмена. На современном этапе эти отношения подвергаются серьезным испытаниям, в первую очередь за счет политических и идеологических вызовов и рисков, а последние два года — еще и глубокого и масштабного кризиса, вызванного глобальной пандемией COVID-19. Однако в целом производственные связи России и стран Балтии выдерживают груз возникающих проблем и остаются достаточно устойчивыми даже к геополитическим и пандемическим шокам. В статье изучены производственные связи России со странами Балтии. Дан динамический анализ рядов экспортно-импортных потоков товаров и продукции производственного назначения за период 2003—2020 годов. Проведен сравнительный анализ производственных связей стран Балтии с Россией и с их основными партнерами по ЕС — Германией и Финляндией. Сделан основной вывод о том, что Россия была для компаний стран Балтии более перспективным рынком сбыта промышленной продукции производственного назначения по сравнению с Германией и Финляндией до введения санкций в 2014 году и мирового торгового кризиса 2015—2016 годов.

Ключевые слова:

производственные связи, страны Балтии, Россия, Германия, Финляндия, экспорт, импорт, промежуточная продукция

Введение

Несмотря на напряженные политические отношения, сложившиеся за последние годы между Россией и странами Балтии, многие хозяйствующие субъекты обеих сторон продолжают поддерживать стабильные и взаимовыгодные торгово-производственные связи. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, все анализируемые страны не так уж давно (в категориях исторического развития) входили в состав единого государства — Советского Союза. Во-вторых, современные требования поддержания экономического роста в условиях обострения конкурентной борьбы, нарастания кризисных процессов в мировой экономике и возрастающей неопределенности перспектив дальнейшего развития, а также выгода и экономическая целесообразность оказываются зачастую сильнее, чем политические декларации и даже действия типа санкций. В-третьих, в ходе сотрудничества компании

Для цитирования: Варнавский В. Г. Анализ динамики производственных связей стран Балтии с Россией // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 4–22. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1.

России и прибалтийских стран функционируют в привычной им бизнес-среде и поэтому остаются друг для друга важными внешнеторговыми партнерами, стремятся сохранить взаимовыгодные производственные связи и при наличии имеющихся международно-политических разногласий и противоречий. В особенной степени это относится к обеспечению устойчивости налаженных производственных связей, производственно-сбытовых цепей поставок (ПСЦП), глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), звеньями которых выступают компании России и стран Балтии.

В данной статье поставлена задача — дать анализ динамики производственных связей стран Балтии с Россией за период 2003—2020 годов на основе сопоставимых данных внешнеторговых поставок продукции производственного назначения (промежуточной продукции) и провести сравнительное исследование аналогичных связей прибалтийских стран с их главными партнерами по показателю двухсторонней торговли такой продукцией — Германией и Финляндией. В 2020 году товарооборот в торговле продукцией производственного назначения Эстонии с Финляндией составил 2417 млн дол. (на втором месте — Германия — 1283 млн дол.), Латвии с Германией — 1382 млн дол. (Польша — 944 млн дол.), Литвы с Германией — 2858 млн дол. (Польша — 2796 млн дол.)¹. Дальнейшее расширение количества анализируемых стран, во-первых, не привело бы к качественно иным в сравнении с полученными выводами, а во-вторых, не позволило бы провести углубленный межстрановой анализ, учитывая ограничения по объему публикации.

В результате проведенного исследования подтверждена основная гипотеза: с момента вступления в ЕС и до введения антироссийских санкций Россия была для стран Балтии в несколько раз более перспективным рынком сбыта их промежуточной продукции по сравнению с Германией и Финляндией. Из-за санкций и в результате мирового торгового кризиса 2015—2016 годов тенденция расширения производственных связей России со странами Балтии была сломлена, но с 2017 года идет ее постепенное восстановление. Процесс этот не прямолинейный, но в целом — поступательный.

Состояние исследований

Последнее десятилетие анализ межстрановых производственных связей на основе данных по торговле промежуточной продукцией стал важной областью научных, прикладных, статистических исследований. Он проводится для определения уровня промышленной кооперации, приоритетных направлений повышения конкурентоспособности отраслей, видов деятельности, производств, выработки мер по обеспечению устойчивого роста торговли, доступа к новым ресурсам, в первую очередь инновациям и финансам. Знаменательным является тот факт, что Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своей базе статистических данных *BTDIxE Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use, ISIC Rev. 4* выделяет промежуточную продукцию (*intermediate goods*) в экспорте и импорте².

Углубленное изучение роли промежуточной продукции в международной торговле и экономическом развитии началось в конце 1990-х годов, когда глобализация вступила в свою активную фазу. В этот период в мировой экономике стали быстро нарастать трансграничные объемы поставок товаров и услуг, а интенсивность расширения межстрановой торговли существенно (в 2,1—2,3 раза — авторская оцен-

¹ Рассчитано на основе базы статистических данных ОЭСР (URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=BTDIxE> (дата обращения: 22.09.2021)).

² STAN Bilateral Trade Database by Industry and End-use category, 2012, *OECD Statistics*, URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=BTDIxE> (дата обращения: 22.09.2021).

ка) превышала по темпам роста мировой валовой внутренний продукт (ВВП) [1, с. 53]. Тогда и возникла потребность в исчислении экспортно-импортных потоков не только по валовой стоимости, как это делалось традиционно, но и в категориях добавленной стоимости. Как следствие, резко увеличился поток экономических исследований этого направления, повышалось их качество, углублялась разработка соответствующих научных и методологических проблем.

С тех пор в экономическом обороте появилось и закрепилось множество терминов и понятий, характеризующих различные стороны межстранового разделения производственного процесса и исчисления международной торговли по добавленной стоимости: международная фрагментация производства, глобальные продуктовые цепочки, глобальные цепочки создания стоимости, вертикальная специализация, торговля в категориях добавленной стоимости, торговля операциями (функциями, задачами) и т. д. (см., например, исследования [2—10], а также крупные методические работы международных организаций³).

После вступления в ЕС страны Балтии становятся более интегрированными в мирохозяйственные отношения, и у исследователей появляется интерес к изучению их места и роли в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) [11—14]. В некоторых крупных работах анализируется и промежуточная продукция. Так, в одной из них на примере Латвии доказывается, что при более активном участии в ГЦСС высокотехнологичных производств возникают возможности для ускорения роста производительности за счет более интенсивного использования импортных промежуточных товаров [15, р. 10].

В другой работе показано, что латвийские фирмы, которые начинают экспортировать промежуточные товары или наукоемкие услуги (кроме транспорта), получают значительно более высокий прирост производительности, чем те, которые экспортируют конечные товары или транспортные услуги [16, р. 27].

С пандемией COVID-19 резко возросло число публикаций на тему ГЦСС⁴, в том числе и по странам Балтии (см., например: [18; 19]). В данной статье на примере объемов торговли промежуточной продукцией будет подтвержден ряд выводов, сделанных, в частности, о том, что присоединение стран Балтии к ЕС и введение санкций в 2014 году «не оказали значимого влияния на сжатие цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии» [19, р. 128].

Методические вопросы

В воспроизводственном процессе экспортно-импортные потоки играют разную роль. Одна и та же стоимость ввезенной из-за границы продукции может приводить к различным экономическим эффектам в зависимости от категории и вида товара, а также от его места и роли в воспроизводственном процессе.

Поставленная по каналам внешней торговли продукция может поступать непосредственно в конечное потребление. В этом случае она не подвергается переработке и общий экономический эффект от ее импорта будет не столь значительным в категориях общественного воспроизводства.

Но ввезенный товар может также выступать в качестве промежуточной продукции и поступать в переработку в стране-импортере, то есть участвовать в воспроиз-

³ Trade in Value-Added: Concepts, Methodologies and Challenges (Joint OECD-WTO Note). OECD and WTO, 2012, *OECD*, URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/49894138.pdf> (дата обращения: 22.09.2021); Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development, 2017, *World Bank*, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvcs_report_2017.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

⁴ См. подробный обзор ВТО 2021 года, включающий более 130 источников [17].

водственных процессах. Такая продукция оказывает гораздо большее положительное воздействие на экономику в плане увеличения стоимости и создания рабочих мест. Также импорт промежуточной продукции становится значимым фактором включения в ГЦСС и приобщения к современным технологиям. После переработки импортированная продукция может: а) идти на конечное потребление в этой же стране, б) быть экспортированной за рубеж в третьи страны в составе ГЦСС, в) вернуться в уже переработанном виде в страну происхождения ввезенной продукции.

Методически международная торговля промежуточными товарами и производственные цепочки в межстрановом пространстве — близкие понятия, поскольку экспортно-импортные потоки промежуточных продуктов формируются в рамках глобальных, региональных, дву- и многосторонних цепочек поставок. В отчете Мирового банка и Всемирной торговой организации (ВТО) по глобальным цепочкам и торговле в категориях добавленной стоимости констатируется, что ГЦСС — это «в основном торговля промежуточными продуктами» («GVCs» are basically «trade in intermediate products»)⁵.

Однако в действительности по добавленной стоимости никто не торгует. Торговля осуществляется по цене, которая складывается на рынке. Выявление рыночного равновесия спроса и предложения происходит исходя из валовой стоимости, а потоки товаров и услуг в межстрановом обмене, исчисленные по добавленной стоимости, нужны как научный, аналитический инструмент при проведении экономического анализа, исследования воспроизводственных процессов, разработке направлений торговой политики. В то же время создание нового научного направления по получению оценок и изучению международной торговли в категориях добавленной стоимости (Trade in Value Added, TiVA) вовсе не умаляет значения в экономическом анализе, государственной политике и реальной международной практике принятых и привычных валовых показателей торговли.

Следует внести ясность и в само понятие «глобальные цепочки создания стоимости» (Global Value Chains, GVCs). На самом деле «глобальная цепочка» — это сильное преувеличение, образное выражение, гипербола. Исходя из характеристики глобализации как всемирного процесса, производственную цепочку по выпуску конкретного товара можно назвать глобальной только в том случае, если она охватывает (или, что то же самое, включает в качестве производственных звеньев) все страны мира. Таких цепочек в мировой экономике нет. Как правило, производственная цепочка по выпуску конкретного товара состоит лишь из нескольких звеньев (стран). Например, широко известен тиражированный в десятках публикаций пример с iPod Apple, в производстве которого участвуют шесть стран: США, Китай, Япония, Республика Корея, Сингапур и Тайвань [20, р. 6]. Причем это даже много: в среднем по мировой экономике в производственной цепочке в зависимости от отрасли задействованы лишь две-три страны [21, р. 9, fig. 4]. Именно такая, относительно низкоуровневая фрагментация производства оптимальна для большинства товаров на современном этапе экономического развития и глобализации. Да и вообще вряд ли эффективной в принципе может быть производственная цепочка, звенья которой размещены во всех 200 странах мира. Каждая цепочка локальна, но все вместе они образуют глобальную сеть. Именно в этом контексте следует, с нашей точки зрения, трактовать термин «глобальные цепочки создания стоимости» (подробнее, см. [22]).

⁵ *Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World (English)*, 2019. Washington, D. C., World Bank Group. P. 42. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/global-value-chain-development-report-2019> (дата обращения: 22.09.2021).

В данной статье при проведении расчетов используется индекс производственного участия страны (авторский термин) — доля промежуточной продукции страны-экспортера в ее собственном валовом экспорте. Формула для вычисления данного индекса такова:

$$I_t = P_t / E_t \cdot 100, \quad (1)$$

где I — индекс производственного участия; P — объем продукции, поступающей в промежуточное потребление за рубежом, E — значение экспорта, t — годы.

Этот показатель применяется для анализа ГЦСС в ОЭСР, Европейском центральном банке (ЕЦБ) и в других международных организациях (см., например, [23, p. 13]).

Принципиальное значение для данного исследования имеет также методический вопрос корректности исходных статистических данных при проведении расчетов, в частности по формуле (1). Проблема в том, что в официальной страновой статистике взаимные потоки экспорта и импорта двух стран часто не совпадают⁶. Другими словами, значения экспорта из страны А в страну В (по данным страны А) могут существенно (на десятки процентов и более) отличаться от значений импорта страны В из страны А (по данным страны В)⁷. Это, в частности, справедливо для внешнеторговых потоков между Россией и странами Балтии.

С тем чтобы избежать больших погрешностей при проведении расчетов, в данной статье берутся сопоставимые данные ОЭСР, в том числе по России. Используются базы данных ОЭСР, WIOD, Росстата и других организаций.

Из базы данных ОЭСР (БД ОЭСР) BTDIxE Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use, ISIC Rev. 4 берется информация по странам о двустороннем импорте, экспорте товаров, в том числе промежуточной продукции и др.

База данных межстрановых межотраслевых балансов WIOD (World Input-Output Database)⁸ разработана европейским консорциумом из одиннадцати университетов и исследовательских центров по заказу Европейской комиссии. Она включает 56 отраслей и 43 страны (28 стран ЕС + 15 стран, не входящих в ЕС, в том числе Россия + для балансировки «остальной мир»), 2000—2014 годы. В данном исследовании для проведения расчетов применяются динамические ряды выпуска, экспорта и импорта промежуточной и конечной продукции. БД находит широкое применение в экономических расчетах (см., например: [25; 26]).

В качестве источников информации по внешнеторговым потокам России и их отраслевой структуре использованы Российский статистический ежегодник (издание Росстата) и обзоры внешней торговли России, подготовленные сайтом russian-trade.com на основе данных Федеральной таможенной службы России.

Результаты

После вступления стран Балтии в ЕС и по настоящее время в динамике их производственных связей с Россией выделяются два этапа — до и после введения санкций в отношении нашей страны в 2014 году. Для первого из них (2004—2013) характерен опережающий рост торговли промежуточной продукцией в сравнении с

⁶ Подробнее, см., например: Statistical Insights: Merchandise trade statistics without asymmetries, 2017, OECD, URL: <https://www.oecd.org/sdd/its/statistical-insights-merchandise-trade-statistics-without-asymmetries.htm> (дата обращения: 22.09.2022).

⁷ Причины этого феномена подробно рассмотрены, например, в работе [24].

⁸ World Input-Output Database: Inter-country Input-Output Table 2014, 2014, World Input-Output Database, URL: <http://www.wiod.org/database/wiots16> (дата обращения: 22.09.2022).

основными торговыми партнерами прибалтийских стран — Германией и Финляндией, для второго (2014 год — по настоящее время) — незначительный спад экспортно-импортных потоков товаров производственного потребления в 2014 году, затем серьезное падение в 2015—2016 годах, вследствие как санкций, так и наложившегося на них мирового внешнеторгового кризиса. В 2017—2020 годах производственные связи стран Балтии с Россией постепенно восстанавливались после потрясений, появилась даже перспектива выхода по некоторым направлениям на уровень начала 2010-х годов (например, экспорт из Литвы в Россию).

Экспорт

Членство в ЕС дало мощный толчок экономическому развитию стран Балтии, в частности за счет открывшихся новых каналов свободной торговли с другими членами Союза и резкой активизации внешней торговли с Россией. Особенно высокими темпами отличался рост их товарного экспорта (рис. 1).

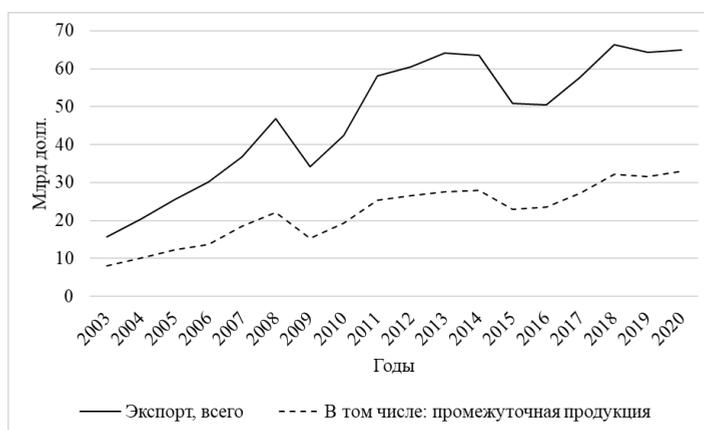


Рис. 1. Динамика экспорта товаров стран Балтии, в том числе промежуточной продукции, млн дол., текущие цены

Источник: составлено автором по БД ОЭСР.

Только за период 2003—2008 годов ежегодный вывоз товаров странами Балтии увеличился почти в 3 раза (с 15,7 до 46,8 млрд дол.⁹), а промежуточной продукции — более чем в 2,5 раза (с 8 до 22,2 млрд дол.). Темпы ежегодного прироста экспорта товаров всей группы стран исчислялись двузначными числами и составляли в % к предыдущему году: в 2004 году — 28,9; в 2005-м — 26,8; в 2006-м — 17,4; в 2007-м — 22,4; в 2008-м — 27,1¹⁰. Сопоставимыми были и показатели экспорта промежуточной продукции. Темпы ежегодного прироста по отношению к предыдущему году, в %: в 2004 году — 25,1; в 2005-м — 21,8; в 2006-м — 12,2; в 2007-м — 35,5; в 2008-м — 19,9.

В те годы Россия, по сути, заново открыла прибалтийским странам свой рынок для товаров производственного назначения. Темпы ежегодного прироста поставок на него странами Балтии своей продукции превосходили все остальные макроэ-

⁹ Здесь и далее, если не оговорено особо, текущие цены.

¹⁰ Рассчитано по БД ОЭСР. Последующий структурный анализ в значительной степени основан на информации из этой базы данных.

кономические показатели их развития, включая общеэкономические, производственные, внешнеторговые. В результате поступление продукции промежуточного потребления в Россию увеличилось за период с 2003 по 2008 год: из Эстонии — в 2,7 раза; из Латвии — почти в 7 раз, из Литвы — в 4,3 раза (табл. 1)¹¹.

Таблица 1

Экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию, Германию и Финляндию, млн дол., текущие цены, 2003—2013 годы

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экспорт в Россию											
Эстония	351	354	347	480	684	954	743	936	1283	1453	1467
Латвия	60	131	194	221	334	411	292	363	456	454	468
Литва	277	409	629	636	894	1192	806	1076	1451	1705	1961
<i>Всего</i>	688	893	1170	1337	1912	2557	1841	2375	3191	3611	3896
Доля России в экспорте товаров стран Балтии, в том числе промежуточная продукция, %											
Товаров, всего	9,7	9,5	10,3	11,0	12,8	14,5	13,5	14,3	15,1	16,9	17,6
промежуточной продукцией	8,6	8,9	9,6	9,8	10,3	11,5	12,1	12,3	12,6	13,6	14,1
Экспорт в Германию											
Эстония	327	332	248	250	305	305	283	364	460	412	411
Латвия	291	269	278	326	404	391	356	515	611	588	543
Литва	358	405	441	521	859	1000	777	1008	1199	1204	1140
<i>Всего</i>	976	1005	967	1096	1568	1696	1415	1887	2271	2203	2094
Экспорт в Финляндию											
Эстония	617	718	833	877	1071	1239	762	987	1286	1077	1091
Латвия	53	78	104	120	232	271	145	223	276	246	219
Литва	41	28	41	47	114	176	119	113	182	182	228
<i>Всего</i>	711	824	978	1045	1416	1686	1026	1323	1744	1505	1538

Источник: рассчитано по БД ОЭСР.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 годов привел к снижению потоков продукции производственного назначения из стран Балтии в Россию, но ненадолго — затем последовало быстрое восстановление докризисных значений. Кризис, таким образом, не смог переломить общей тенденции первого десятилетия пребывания стран Балтии в ЕС, состоящей в сверхвысоком росте экспорта промежуточной продукции в Россию, который за период 2003—2013 годов увеличился в Эстонии — в 4,2 раза, в Латвии — в 7,8 раза, в Литве — в 7,1 раза.

Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что рост экспорта стран Балтии в Германию значительно уступал российским показателям и повысился по промежуточной продукции за период 2003—2013 годов в Эстонии — в 1,3 раза, в Латвии — в 1,9 раза, в Литве — в 3,2 раза. Аналогичная динамика характерна для увеличения экспорта странами Балтии продукции производственного назначения в Финляндию: в Эстонии — в 1,8 раза, в Латвии — в 4,1 раза, в Литве — в 5,6 раза.

Таким образом, в 2003—2013 годах вектор поставок продукции производственного назначения стран Балтии был направлен в значительной степени в сторону России: в течение всего периода наша страна являлась для них в среднем в 2—3 раза более перспективным рынком сбыта такой продукции, чем Германия и Финляндия.

В результате опережающего роста производственных связей в 2003—2013 годах доля России в совокупном экспорте товаров, в частности промежуточной продук-

¹¹ В целях проведения сравнительного анализа в таблице 1 приведены также данные по Германии и Финляндии.

ции стран Балтии, существенно возросла (табл. 1). Если в 2004 году на Россию приходилось только 9,5 % их товарного экспорта, в том числе по промежуточной продукции — 8,9 %, то в 2013 году соответственно 17,6 и 14,1 %.

Такие тренды во многом согласуются и с результатами расчетов по БД WIOD (табл. 2).

Таблица 2

**Рост макроэкономических и внешнеторговых показателей
стран Балтии 2003—2013 годы, раз**

Страна	ВВП	Валовая продукция (по ММОБ*)	Товарный экспорт в Россию		
			по БД ОЭСР		промежуточной продукции (по ММОБ)
			Всего	В том числе промежуточная продукция	
Эстония	2,1	2,7	5,1	4,2	7,3
Литва	2	2,7	10,0	7,8	3,4
Латвия	1,9	2,8	8,9	7,1	7,9

Примечание: * ММОБ 2014 года.

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР, WIOD.

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, что после присоединения к ЕС и до 2013 года в зависимости от методики оценки увеличение ВВП стран Балтии составило в среднем около 2 раз; объема произведенной валовой продукции — примерно 2,7—2,8 раз; экспорта промежуточных товаров Эстонии в Россию — в 4—7 раз, Латвии — в 3—8 раз, Литвы — в 7—8 раз.

С 2014 года положение в торговле исследуемых стран резко меняется. Секторальные санкции ЕС, введенные в отношении России в июле 2014 года, и ответные меры нашей страны привели к снижению взаимной торговли. Правда, на экспорте прибалтийских государств в нашу страну это отразилось в меньшей степени, чем на импорте. В 2014 году экспорт стран Балтии практически стагнировал. Но по странам картина была различная — эстонский экспорт сократился на 25 %, латвийский — на 6,8 %, а литовский увеличился на 10,5 % (табл. 3).

Таблица 3

**Экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию,
Германию и Финляндию, 2013—2020 годы, млн дол., текущие цены**

Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт в Россию								
Эстония	1467	1100	681	617	813	768	713	750
Латвия	468	436	297	288	358	384	364	391
Литва	1961	2370	1307	1402	1728	1993	2099	1950
<i>Всего</i>	3896	3905	2286	2307	2900	3145	3176	3091
Экспорт в Германию								
Эстония	411	442	367	393	444	480	472	473
Латвия	543	571	472	531	585	605	550	644
Литва	1 140	1 088	886	848	934	1065	1089	1266
<i>Всего</i>	2094	2101	1726	1771	1963	2151	2112	2383
Экспорт в Финляндию								
Эстония	1 091	1 050	886	974	1 101	1 324	1 238	1 329
Латвия	219	168	120	116	131	206	205	194
Литва	228	227	210	210	232	281	274	302
<i>Всего</i>	1538	1445	1216	1299	1463	1812	1717	1826

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

В 2015 году общий экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию упал по сравнению с предшествующим годом на 41,5 %. Однако это было связано не столько с санкциями, сколько с серьезным спадом в мировой торговле. Как видно из таблицы 3, экспорт стран Балтии в Германию и Финляндию также уменьшился в 2015 году на 17,9 и 15,9 % соответственно.

В 2015—2016 годах разразился глобальный внешнеторговый кризис, в результате которого мировой экспорт сократился на 13,2 % (с 19,0 млрд дол. в 2014 году до 16,6 млрд дол. в 2015 году), а в 2016 году — уже на 15,8 % по отношению к 2014 году (до уровня 16,1 млрд дол.)¹². Эксперты считают важнейшей причиной кризиса падение мировых цен на нефть и другие энергетические и сырьевые ресурсы (см., например: [27—31]). Хотя были и другие причины — замедление экономического роста, слабый прирост мировых инвестиций, снижение темпов экономического развития Китая, усиление протекционизма, сокращение объема внешнеторговых операций с промежуточными товарами в рамках ГЦСС, уменьшение спроса развивающихся стран на импорт и т. д.¹⁵.

Резкое снижение мировой конъюнктуры, с нашей точки зрения, стало главным фактором падения взаимной торговли стран Балтии и России в те годы. В дальнейшем (2017—2019) общий экспорт прибалтийских стран в Россию постоянно увеличивался, обеспечив прирост объема вывезенной продукции в 2019 году на 37,7 % по сравнению с кризисным 2016 годом, что свидетельствует о постепенном восстановлении их производственных связей.

Пандемия COVID-19 и глобальная рецессия 2020 года практически не сказались на вывозе странами Балтии товаров и продукции производственного назначения в Россию: Эстония и Латвия незначительно увеличили объем таких поставок, а Литва — сократила (табл. 3).

Импорт

Тренды развития производственных связей с Россией по импорту промежуточной продукции по каждой прибалтийской стране во многом совпадают, но имеются и особенности. Общим является то, что в 2003—2013 годах импорт из России товаров и в том числе промежуточной продукции увеличивался меньшими темпами в сравнении с их экспортом в Россию. Рост импорта продукции производственного назначения из нашей страны в указанном периоде увеличился в Эстонии — в 2 раза, в Латвии — в 3,2 раза, в Литве — в 4,8 раза (табл. 4).

При этом более значительные темпы роста для Литвы объясняются крупными поставками российской нефти на единственный в странах Балтии нефтеперерабатывающий завод в городе Мажейкяй и резким повышением мировой цены на нефть, составлявшей в отдельные годы рассматриваемого периода до 150 дол. за баррель.

В период наивысшего подъема торговых отношений (2011—2013) импорт стран Балтии из России товаров производственного назначения находился в пределах 11—13 млрд дол. ежегодно, что соответствовало $\sim 1/3$ общего объема ввозимых этими странами из-за рубежа таких товаров. Как и в случае экспорта, это также свиде-

¹² *The World Trade Organization (WTO)*, 2022, URL: <https://data.wto.org/> (дата обращения: 22.09.2022).

¹⁵ См., например: [1, p. 133; 2, p. 15]; *Economic Report of the President*, 2017, Washington, D. C. The White House, January 2017, URL: http://www.presidency.ucsb.edu/economic_reports/2017.pdf (дата обращения: 22.09.2022); *Global Economic Prospects*, 2016, January, Spillovers amid Weak Growth, World Bank. Washington, DC, URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23435> (дата обращения: 22.09.2022).

тельствует о большом значении для прибалтийских стран российского направления в двусторонней торговле продукцией производственного назначения в условиях свободной конкуренции без санкций и ограничений нерыночного характера.

Таблица 4

**Импорт стран Балтии товаров и промежуточной продукции из России,
2003—2013 годы, млн дол., текущие цены**

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Импорт товаров, всего											
Эстония	808	1099	1298	2368	2019	1753	1170	1382	2133	2330	1873
Латвия	455	680	781	894	1275	1679	1003	1115	1318	1513	1405
Литва	2160	2854	4323	4701	4401	9406	5482	7637	10185	10401	9784
<i>Всего</i>	3423	4633	6402	7963	7695	12838	7655	10134	13636	14244	13062
В том числе промежуточной продукции											
Эстония	506	701	705	826	1002	936	560	640	824	931	1023
Латвия	390	557	565	733	1017	1352	825	939	1122	1364	1262
Литва	1977	2675	4146	4452	3669	8907	5306	7374	9978	10160	9474
<i>Всего</i>	2873	3933	5416	6011	5688	11195	6691	8953	11924	12455	11759

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

Санкционная политика привела к смене в странах Балтии поставщиков промежуточной продукции вместо российских предприятий. Объемы экспорта такой продукции из России значительно сократились (табл. 5).

Таблица 5

**Импорт стран Балтии товаров и промежуточной продукции из России,
2013—2020 годы млн дол., текущие цены**

Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Импорт товаров, всего								
Эстония	1873	2161	1544	1163	1349	1937	1784	1613
Латвия	1405	1356	1192	1051	1201	1558	1209	1067
Литва	9784	7621	4597	3793	4059	5386	5190	2936
<i>Всего</i>	13062	11137	7333	6007	6610	8880	8183	5616
В том числе промежуточной продукции								
Эстония	1023	994	754	635	800	1208	1105	1134
Латвия	1262	1173	985	860	1050	1409	1014	859
Литва	9474	7157	4222	3363	3779	5117	4874	2676
<i>Всего</i>	11759	9324	5961	4859	5629	7734	6993	4669

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

В 2014 году по сравнению с 2013 годом импорт промежуточной продукции стран Балтии из России уменьшился на 20,7 %. В 2015 году снижение данного показателя по отношению к 2013 году произошло в 2 раза, а в 2016 году еще на 9,4 %. Но связано такое падение, как указывалось выше, не только с санкциями, но и с общей мировой конъюнктурой, сложившейся на товарных рынках во время глобального внешнеторгового кризиса 2015—2016 годов.

Доля российских компаний в снабжении промышленности прибалтийских стран промежуточной продукцией за 2012—2020 годы сократилась в 2,5 раза и составила в 2020 году только 14,3 %, в то время как в 2012 году она равнялась 35,1 % (наивысшее значение за время после вступления стран Балтии в ЕС). Доля России в общем объеме товарного импорта стран Балтии снизилась в 2,6 раза и составила 8,2 % (2020 год, в 2010 году — 21,2 %).

В структуре товарного экспорта России в страны Балтии продукция производственного назначения в 8—10 раз превышает объем товаров конечного потребления. Это один из самых высоких показателей в мире. В течение всего анализируемого периода индекс производственного участия России в воспроизводственных процессах стран Балтии, понимаемый как доля промежуточной продукции в объеме российского экспорта в каждую из стран, рассчитанный по формуле (1), стабильно превышал 80 % для Латвии и Литвы, в отдельные годы (2011 и 2012) доходил до 90 % в первой из них и 98 % — во второй, а для Эстонии увеличился до 70 % в 2020 году (рис. 2).

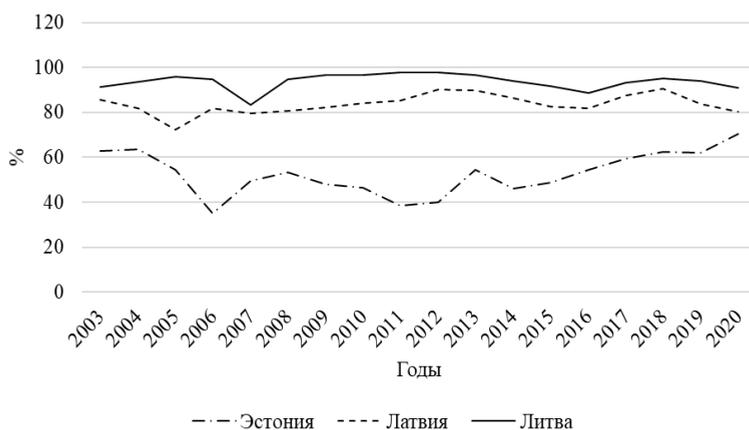


Рис. 2. Индекс производственного участия России в воспроизводственных процессах стран Балтии, %

Источник: рассчитано автором по данным таблиц 4, 5 и формуле (1).

Как видно из рисунка 2, санкционная политика и значительное снижение объемных показателей импорта стран Балтии из России слабо отразились на его структуре и на индексе производственного участия нашей страны в экономике этих стран.

Обсуждение

В чем же причина бурного развития торговых и, главное, производственных отношений стран Балтии с Россией в первое десятилетие после их вступления в ЕС, особенно по экспорту, в том числе в сравнении с такими их традиционными торговыми партнерами, как Германия и Финляндия?

Если отбросить политическую и идеологическую риторику, то в сравнении с выбранными в данном исследовании странами ЕС (Германией и Финляндией) вектор развития двусторонних производственных связей стран Балтии был развернут именно на Россию. В 2003 году уровни торговых связей по экспорту каждой из стран Балтии в Россию, Германию и Финляндию были сопоставимы и в среднем сравнимы между собой (см. табл. 1 на с. 10). Латвия и Литва, например, поставляли в Финляндию меньше продукции производственного назначения, чем в Россию, а Эстония — больше. В то же время Эстония экспортировала в Германию такой продукции меньше, чем Россия, и т. д. А в 2013 году состояние торговых связей прибалтийских государств с Россией достигло настолько высокого уровня, что объем вывозимой ими в Россию продукции производственного потребления *превысил значение аналогичного показателя для Германии и Финляндии вместе взятых*. По

сумме для трех стран Балтии рост экспорта их промежуточной продукции в Россию за 2003—2013 годы увеличился в 5,7 раза, а в Германию и Финляндию — только в 2,2 раза.

С нашей точки зрения, можно выделить следующие основные факторы интенсификации в то время производственных связей стран Балтии с Россией по экспорту на фоне их более медленного развития с Германией, Финляндией, да и с другими ведущими странами ЕС.

1. *Большая выгода производственных связей с российскими предприятиями по критерию прибыльности.* Для любого бизнеса прибыль — главная цель. Предприниматели стран Балтии за счет приобретения российской продукции производственного назначения получали экономию на издержках в сравнении с закупками аналогичной продукции, выпускаемой европейскими, в частности немецкими и финскими, компаниями. Относительно низкая цена производственного оборудования российских фирм при его сопоставимом качестве позволяла прибалтийским компаниям получать дополнительную прибыль.

2. *Емкий российский рынок с неудовлетворенным спросом.* Доступ на западноевропейские и скандинавские рынки для многих предприятий стран Балтии был затруднен. На этих рынках своя конкурентная среда, отношения, свои поставщики, устоявшиеся десятилетиями связи, а российский рынок для относительно маленьких соседних стран — огромный. Спрос на импортную промышленную продукцию, в том числе прибалтийскую, в России все годы возрастал за счет высоких темпов роста национальной экономики и покупательной способности населения и предприятий.

3. *Высокий и сопоставимый с развитыми странами уровень развития производительных сил в России.* За счет резкого падения курса рубля в результате дефолта 1998 года и повышения мировых цен на нефть в начале XXI века Россия смогла начать обновление производительных сил не только в энергетике и добывающих отраслях, но и в обрабатывающей промышленности. По данным Росстата, с 2000 по 2013 год импорт страны увеличился в 9,3 раза (с 34 до 315 млрд дол.), в том числе импорт машин, оборудования и транспортных средств — в 14 раз (с 11 до 153 млрд дол.); удельный вес стран дальнего зарубежья в импорте повысился с 66 (2000) до 88 % (2013); число используемых передовых производственных технологий выросло с 70 тыс. (2000) до 192 тыс. (2011—2012); из 2842 производственных технологий, импортированных Россией (2014) 1910 было использовано в обрабатывающей промышленности и только 103 — в добыче полезных ископаемых¹⁴.

4. *Пространственная связанность и примерно одинаковый с прибалтийскими странами технологический уровень производства в России.* Многие промышленные компании России смогли уже в начале XXI века приобретать на Западе современную технику и технологии и за счет этого обновлять средства производства в обрабатывающих отраслях, включаться в производственные, в том числе глобальные и региональные, цепочки и побеждать немецкие и финские компании в открытой конкурентной борьбе, в том числе на прибалтийских рынках.

5. *Давние, заложенные еще в советское время производственные и личностные связи, общие региональные и приграничные ПСЦП, хорошо знакомая бизнес-среда, связанная инфраструктура, понятная, привычная логистика.*

В условиях высокой конкуренции на мировых рынках товаров производственного назначения Россия до сих пор остается важным партнером прибалтийских стран. Введение антироссийских санкций оказало относительно слабое негативное

¹⁴ *Российский статистический ежегодник. 2015*, 2015, Росстат, М., с. 521, 523, 626, 631, 633, 634.

воздействие на торговлю странами Балтии с Россией продукцией производственного назначения. В большей степени на ней сказался глобальный торговый кризис 2015—2016 годов.

Для внутреннего развития и встраивания стран Балтии в ГЦСС особенно важными являются прочные связи по импорту этими странами российской продукции отраслей добывающей промышленности, первого передела, полуфабрикатов и других товаров производственного назначения. Близость российских источников сырья и продуктов первичной переработки, развитая и связанная с территорией России инфраструктура, схожесть технических и технологических требований и другие факторы позволяют обрабатывающим предприятиям стран Балтии получать товары из России, их перерабатывать и в последующем экспортировать, то есть встраиваться в глобальные цепочки.

После 2014 года, несмотря на политико-идеологические противоречия, санкции, ограничительные меры и другие негативные явления, сворачивания деловых контактов России со странами Балтии не произошло, торгово-производственные отношения сторон не прекратились, а в 2017—2020 годах по некоторым направлениям даже укрепились.

Заключение

Исторически и технологически промышленное производство стран Балтии в значительной степени ориентировано в сторону России. Эта закономерность подтвердилась после присоединения стран Балтии к ЕС: в создавшихся тогда новых рыночных условиях и при открытой конкуренции прибалтийские товары производственного назначения стали поступать опережающими темпами не в страны-партнеры по союзу, такие как Германия и Финляндия, а в именно Россию. Особенно ярко это проявилось на начальном этапе — в 2004—2013 годах. Непрерывно в течение 10 лет наблюдался небывало высокий и длительный спрос со стороны российских компаний на промышленную продукцию производственного назначения прибалтийских поставщиков, в том числе и во время мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов.

Как показали межстрановые сопоставления, Россия была тогда для стран Балтии более перспективным рынком сбыта промышленной продукции производственного назначения по сравнению с Германией и Финляндией. В 2003 году наша страна имела примерно одинаковые стартовые позиции с Германией и Финляндией по экспорту странами Балтии своей промежуточной продукции. А уже в 2013 году объем поставок прибалтийскими предпринимателями в Россию продукции производственного потребления превысил значение аналогичного показателя для Германии и Финляндии вместе взятых. Тем самым в рыночной среде, без административных барьеров, санкций и ограничений значительная часть российских предприятий демонстрировала высокую конкурентоспособность по отношению к компаниям ведущих стран ЕС. В условиях открытой конкурентной борьбы российские промышленные предприятия зачастую побеждали.

Резким увеличением импорта товаров производственного назначения Россия дала в тот период мощный дополнительный импульс экономическому росту стран Балтии и встраиванию их в ГЦСС. Если в 2003 году они поставили в Россию промежуточной продукции на сумму 0,7 млрд дол., то в 2013-м — почти на 3 млрд дол. В результате доля России в общем объеме экспорта стран Балтии выросла с 9,7 % в 2003 году до 16,9 % в 2013 году по товарам в целом и с 8,6 до 13,6 % по продукции производственного назначения.

Выявленные внешнеторговые тренды 2003—2013 годов создавали благоприятные условия для активного включения стран Балтии в производственную коопера-

цию с российскими компаниями и позволяли в случае дальнейшего эволюционного развития сформировать устойчивые региональные производственные цепочки, дополненные приграничным производственным сотрудничеством с возможным выходом на другие страны ЕС. Однако этого не произошло.

В тот период были также все возможности для выстраивания странами Балтии долгосрочных стратегических отношений с Россией, в том числе в ГЦСС, через производственную кооперацию и совместное производство с возможностью выхода через них в последующем на европейские и азиатские рынки. Но этого тоже не произошло. Политические и идеологические амбиции возобладали над здравым смыслом и экономической целесообразностью. Позитивный для экономического развития стран Балтии и России десятилетний тренд был сломлен санкционной политикой и последовавшим затем мировым торговым кризисом 2015—2016 годов, который дополнительно усугубил негативные тенденции в двусторонней торговле между странами Балтии и Россией.

В 2017—2019 годах производственные связи исследуемых стран стабилизировались, стали постепенно восстанавливаться, развиваться, но не прямолинейно, не во все годы и не со всеми странами одновременно. Литве, например, по объему экспорта в Россию продукции производственного назначения в 2018 и 2019 годах даже удалось превысить показатель 2013 года. А Эстония и Латвия в 2020 году смогли поставить в Россию промежуточной продукции больше, чем в 2019 году на 5,2 и 7,4 % соответственно и получили тем самым поддержку российских компаний-потребителей в условиях мирового экономического кризиса.

Структурные сдвиги в торговых потоках стран Балтии в пользу России в первом десятилетии их членства в ЕС и последние годы связаны как с более высокой прибыльностью на огромном российском рынке, так и со сложностями проникновения прибалтийских компаний со своей продукцией на уже сформированные, высококонкурентные и сбалансированные рынки ЕС, в то время как российские рынки находились в стадии развития и имели перспективы роста. Большое значение для предпринимателей стран Балтии представляли также исторически сложившиеся связи с российскими предприятиями, налаженная инфраструктура, логистика, транспортная доступность и другие институциональные факторы.

В целом полученные результаты свидетельствуют о значительной устойчивости производственных связей компаний стран Балтии и России в рамках двусторонних отношений, а также звеньев глобальных и региональных цепочек к геополитическим (типа санкций и ограничений) и экономическим шокам (мировой торговый кризис 2015—2016 годов, глобальный экономический кризис 2020 года). Взаимные санкции и ограничения после 2014 года вызвали сокращение товарных потоков, но не привели к полному свертыванию производственных связей России со странами Балтии и разрушению производственной инфраструктуры, не смогли остановить межстрановую предпринимательскую деятельность. Россия остается для прибалтийских стран важным внешнеторговым партнером.

Существенные различия структур экономик стран Балтии и России, а также доступа к ресурсам и их достаточности для обеспечения нормального функционирования воспроизводственных процессов в своих экономиках предопределяют высокие уровни поставок промежуточной продукции и взаимную заинтересованность обеих сторон в их увеличении. Экономические интересы и сравнительные конкурентные преимущества стран и субъектов предпринимательской деятельности будут оказывать и в дальнейшем более сильное воздействие на формирование и сохранение производственных связей, чем геополитические факторы. До определенной черты, конечно. Пока, как показало исследование, эту черту страны Балтии и Россия не перешли.

Список литературы

1. Варнавский, В. Г. 2020, Факторы роста и тренды мировой торговли, *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, № 1, с. 51—62. doi: 10.20542/afij-2020-1-51-62.
2. Yeats, A. J. 1998, Just How Big Is Global Production Sharing? World Bank, *Policy Research Working Paper 1871*, Washington, DC. 40 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=597193 (дата обращения: 22.09.2021).
3. De Backer, K., Miroudot, S. 2014, Mapping Global Value Chains, *ECB Working Paper Series*, № 1677, 40 p. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1677.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Faße, A., Grote, U., Winter, E. 2009, *Value chain analysis methodologies in the context of environment and trade research*, Leibniz Universität Hannover, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät, Diskussionsbeitrag, № 429, 59 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/37104/1/609241915.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
5. Baldwin, R., Robert-Nicoud, F. 2010, Trade-in-goods and trade-in-tasks: An Integrating Framework. Cambridge MA. NBER Working Paper, № 15882. 30 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w15882.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Goldberg, P. K., Khandelwal, A. K., Pavcnik, N., Topalova, P. 2009, Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India, *CEPS Working Paper*, № 192, 41 p. URL: <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/192goldberg.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
7. Das, D. K., Gupta, N. 2019, Climbing up India's Manufacturing Export Ladder: How Competitive are Intermediate Goods, *ICRIER Working Paper 371*, 36 p. URL: https://icrier.org/pdf/Working_Paper_371.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
8. Gereffi, G., Humphrey, J., Sturgeon, T. 2003, *The Governance of Global Value Chains*, URL: http://www.soc.duke.edu/sloan_2004/Papers/governance_of_gvcs_final.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
9. Gereffi, G., Fernandez-Stark, K. 2016, *Global Value Chain Analysis: A Primer*, 2nd edition, URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/handle/10161/12488> (дата обращения: 22.09.2021).
10. Hummels, D., Rapoport, D., Yi, K.-M. 1998, Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade, *Economic Policy Review*, June 1998, vol. 4, № 2, p. 79—99, URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/epr/1998/EPRvol4no2.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
11. Benkovskis, K., Bērziņa, S., Zorgenfreiņa, L. 2016, Evaluation of Latvia's re-exports using firm-level trade data, *Baltic Journal of Economics*, vol. 16, № 1, p. 1—20. doi: 10.1080/1406099X.2016.1163891.
12. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, № 69, 24 p. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
13. Smidova, Z., Yashiro, N. 2017, Getting the most out of trade in Estonia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1436, URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2017\)68&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2017)68&docLanguage=En) (дата обращения: 22.09.2021).
14. Stavitsky, A., Kharlamova, G., Giedraitis V., Sengul, E. C. (eds.) 2019, Gravity model analysis of globalization process in transition economies, *Journal of International Studies*, vol. 12, № 2, p. 322—341. doi: 10.14254/2071-8330.2019/12-2/21.
15. Yashiro, N., De Backer, K., Hutfilter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, Moving up the global value chain in Latvia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1438. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
16. Benkovskis, K., Masso, J., Tkacevs, O., Vahter, P., Yashiro, N. 2017, Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1448, doi: 10.1787/cd5710c4-en.
17. Bacchetta, M., Bekkers, E., Piermartini, R., Rubinova, S., Stolzenburg, V., Xu, A. 2021, *COVID-19 and global value chains*, World Trade Organization, 34 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
18. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF Working Papers*, WP/20/117. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/%20Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (дата обращения: 22.09.2021).

19. Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А., Аверьянова, Ю. В. 2020, Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики, *Балтийский регион*, т. 12, №4, с. 128—146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.

20. Linden, G., Kraemer, K. L., Dedrick, J. 2007, Who Captures Value in a Global Innovation System? The case of Apple's iPod, *Personal Computing Industry Center (PCIC), Working Paper 92697*, 06-01-2007, 10 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/1770046n> (дата обращения: 31.10.2021).

21. De Backer, K., Miroudot, S. 2012, *Mapping Global Value Chains. Groningen, The Netherlands*, 19 p. URL: http://www.wiod.org/conferences/groningen/Paper_DeBacker_Miroudot.pdf (дата обращения: 31.10.2021).

22. Варнавский, В. Г. 2018, Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 62, №1, с. 5—15. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.

23. Ahmad, N., Bohn, T., Mulder, N., Vaillant, M., Zaclicever, D. 2017, Indicators on global value chains: A guide for empirical work, *OECD, Statistics Working Papers 2017/08*. doi: 10.1787/8502992f-en.

24. Fortanier, F. 2016, Towards merchandise trade statistics without asymmetries, *The OECD Statistics Newsletter*, №64, p. 7—11. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Statistics-Newsletter-March-2016.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

25. Timmer, M. P., Dietzenbacher, E., Los, B., Stehrer, R., de Vries, G. J. 2015, An Illustrated User Guide to the World Input-Output Database: The Case of Global Automotive Production, *Review of International Economics*, vol. 23, №3, p. 575—605. doi: 10.1111/roie.12178.

26. Giammetti, R. 2019, Tariffs, Domestic Import Substitution and Trade Diversion in Input-Output Production Networks: how to deal with Brexit, *MPRA Paper*, №92835, URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/92835/> (дата обращения: 22.09.2021).

27. Hoekman, B. 2015, Trade and growth — end of an era? In: *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* CEPR, London, p. 3—19, URL: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Glob-al%20Trade%20Slowdown_pocover.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

28. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2015, The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, WP/15/6. 43 p., URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

29. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2017, *Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade*, Washington, D. C., World Bank Group, 24 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

30. Aslam, A., Boz, E., Cerutti, E., Poplawski-Ribeiro, M., Topalova, P. 2017, Global trade: Drivers behind the slowdown, *VoxEU.org*, URL: <https://voxeu.org/article/global-trade-drivers-behind-slowdown> (дата обращения: 22.09.2021).

31. Al-Haschimi, A., Gächter, M., Lodge, D., Steingress, W. 2016, The great normalisation of global trade, *VoxEU.org*, URL: <http://voxeu.org/article/great-normalisation-global-trade> (дата обращения: 22.09.2021).

Об авторе

Владимир Гаврилович Варнавский, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Россия.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>



ANALYSING THE DYNAMICS OF THE BALTIC STATES'S PRODUCTION LINKAGES WITH RUSSIA

V. G. Varnavskii

V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences
65 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia

Received 23.09.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1
©Varnavskii, V. G. 2022

Russia and the Baltic States have a long-standing relationship of industrial specialisation, cooperation, division of labour and trade exchange, all dating back to the Soviet Union. Today, this relationship is facing a tough test amid political and ideological challenges and risks. The last two years have seen a profound and large-scale crisis caused by the global COVID-19 pandemic. Overall, the production linkages between Russia and the Baltic States have adapted in response to the existing problems, remaining resistant to the geopolitical and pandemic shocks. This article examines the production linkages between Russia and the Baltic countries, investigating the export-import flows of consumer and intermediate goods in 2003–2020. A comparative study of the Baltic States' production linkages with Russia and their main partners in the EU — Germany and Finland — is carried out. It is concluded that, before the introduction of sanctions in 2014 and the world trade crisis of 2015–2016, Russia was a more promising market than Germany and Finland for the Baltic States' companies trading in intermediate goods.

Keywords:

production linkages, Baltic States, Russia, Germany, Finland, export, import, intermediate goods

References

1. Varnavskii, V. 2020, Growth factors and trends of global trade, *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, № 1, p. 51–62. doi: 10.20542/afj-2020-1-51-62.
2. Yeats, A. J. 1998, Just How Big Is Global Production Sharing? World Bank, *Policy Research Working Paper 1871*, Washington, DC. 40 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=597193 (accessed 22.09.2021).
3. De Backer, K., Miroudot, S. 2014, Mapping Global Value Chains, *ECB. Working Paper Series*, № 1677, 40 p. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1677.pdf> (accessed 22.09.2021).
4. Faße, A., Grote, U., Winter, E. 2009, *Value chain analysis methodologies in the context of environment and trade research*, Leibniz Universität Hannover, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät, Diskussionsbeitrag, № 429, 59 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/37104/1/609241915.pdf> (accessed 22.09.2021).
5. Baldwin, R., Robert-Nicoud, F. 2010, Trade-in-goods and trade-in-tasks: An Integrating Framework.. Cambridge MA. NBER Working Paper, № 15882. 30 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w15882.pdf> (accessed 22.09.2021).
6. Goldberg, P. K., Khandelwal, A. K., Pavcnik, N., Topalova, P. 2009, Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India, *CEPS Working Paper*, № 192, 41 p. URL: <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/192goldberg.pdf> (accessed 22.09.2021).
7. Das, D. K., Gupta, N. 2019, Climbing up India's Manufacturing Export Ladder: How Competitive are Intermediate Goods, *ICRIER, Working Paper 371*, 36 p. URL: https://icrier.org/pdf/Working_Paper_371.pdf (accessed 22.09.2021).

8. Gereffi, G., Humphrey, J., Sturgeon, T. 2003, *The Governance of Global Value Chains*, URL: http://www.soc.duke.edu/sloan_2004/Papers/governance_of_gvcs_final.pdf (accessed 22.09.2021).
9. Gereffi, G., Fernandez-Stark, K. 2016, *Global Value Chain Analysis: A Primer*, 2nd Edition, URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/handle/10161/12488> (accessed 22.09.2021).
10. Hummels, D., Rapoport, D., Yi, K.-M. 1998, Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade, *Economic Policy Review*, June 1998, vol. 4, № 2, p. 79–99, URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/epr/1998/EPRvol4no2.pdf> (accessed 22.09.2021).
11. Beņkovskis, K., Bērziņa, S., Zorgenfreiņa, L. 2016, Evaluation of Latvia's re-exports using firm-level trade data, *Baltic Journal of Economics*, vol. 16, № 1, p. 1–20. doi: 10.1080/1406099X.2016.1163891.
12. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, № 69, 24 p. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (accessed 22.09.2021).
13. Smidova, Z., Yashiro, N. 2017, Getting the most out of trade in Estonia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1436, URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2017\)68&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2017)68&docLanguage=En) (accessed 22.09.2021).
14. Stavitskiy, A., Kharlamova, G., Giedraitis V., Sengul, E. C. (eds.) 2019, Gravity model analysis of globalization process in transition economies, *Journal of International Studies*, vol. 12, № 2, p. 322–341. doi: 10.14254/2071-8330.2019/12-2/21.
15. Yashiro, N., De Backer, K., Hutfilter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, Moving up the global value chain in Latvia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1438. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
16. Benkovskis, K., Masso, J., Tkacevs, O., Vahter, P., Yashiro, N. 2017, Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1448, doi: 10.1787/cd5710c4-en.
17. Bacchetta, M., Bekkers, E., Piermartini, R., Rubinova, S., Stolzenburg, V., Xu, A. 2021, *COVID-19 and global value chains*, World Trade Organization, 34 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf (accessed 22.09.2021).
18. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF Working Papers*, WP/20/117. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/%20Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (accessed 22.09.2021).
19. Simachev, Y. V., Fedyunina, A. A., Averyanova, Y. V. 2020, Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid Covid-19: prospects for regionalization and implications for economic policy, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4. p. 128–146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.
20. Linden, G., Kraemer, K. L., Dedrick, J. 2007, Who Captures Value in a Global Innovation System? The case of Apple's iPod, *Personal Computing Industry Center (PCIC)*, Working Paper 92697, 06-01-2007, 10 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/1770046n> (accessed 31.10.2021).
21. De Backer, K., Miroudot, S. 2012, *Mapping Global Value Chains. Groningen, The Netherlands*, 19 p. URL: http://www.wiod.org/conferences/groningen/Paper_DeBacker_Miroudot.pdf (accessed 31.10.2021).
22. Varnavskii, V.G. 2018, International trade in value added terms: methodological issues, *World Economy and International Relations*, vol. 62, № 1, p. 5–15. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
23. Ahmad, N., Bohn, T., Mulder, N., Vaillant, M., Zaclicever, D. 2017, Indicators on global value chains: A guide for empirical work, *OECD, Statistics Working Papers* 2017/08. doi: 10.1787/8502992f-en.
24. Fortanier, F. 2016, Towards merchandise trade statistics without asymmetries, *The OECD Statistics Newsletter*, № 64, p. 7–11. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Statistics-Newsletter-March-2016.pdf> (accessed 22.09.2021).
25. Timmer, M. P., Dietzenbacher, E., Los, B., Stehrer, R., de Vries, G. J. 2015, An Illustrated User Guide to the World Input-Output Database: The Case of Global Automotive Production, *Review of International Economics*, vol. 23, № 3, p. 575–605. doi: 10.1111/roie.12178.
26. Giammetti, R. 2019, Tariffs, Domestic Import Substitution and Trade Diversion in Input-Output Production Networks: how to deal with Brexit, *MPRA Paper*, № 92835, URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/92835/> (accessed 22.09.2021).

27. Hoekman, B. 2015, Trade and growth — end of an era? In: *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* CEPR, London, p. 3—19, URL: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Global%20Trade%20Slowdown_nocover.pdf (accessed 22.09.2021).
28. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2015, The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, WP/15/6. 43 p., URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf> (accessed 22.09.2021).
29. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2017, *Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade*, Washington, D. C., World Bank Group, 24 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (accessed 22.09.2021).
30. Aslam, A., Boz, E., Cerutti, E., Poplawski-Ribeiro, M., Topalova, P. 2017, Global trade: Drivers behind the slowdown, *VoxEU.org*, URL: <https://voxeu.org/article/global-trade-drivers-behind-slowdown> (accessed 22.09.2021).
31. Al-Haschimi, A., Gächter, M., Lodge, D., Steingress, W. 2016, The great normalisation of global trade, *VoxEU.org*, URL: <http://voxeu.org/article/great-normalisation-global-trade> (accessed 22.09.2021).

The author

Prof. Vladimir G. Varnavskii, Leading Research Fellow, V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))